

«Знаменательныя торжества».

Ужъ мы пили, пили, пили,
Ужъ мы ѣли, ѣли, ѣли...

Вся интеллигентная Россія съ большимъ вниманіемъ слѣдила за тѣмъ, что дѣлалось въ «Волковскіе дни» въ Ярославль. И что же она узнала изъ газетъ, этого единственнаго источника всенародныхъ свѣдѣній?

Прежде всего съ огорченіемъ вычитала она изъ корреспонденцій, что болѣе или менѣе извѣстные литераторы блистали на этомъ праздникѣ культуры своимъ отсутствіемъ. Зато малоизвѣстные, и то въ крайне ограниченномъ числѣ, произносили такія нескладныя рѣчи, что корреспонденты только махнули рукой и не рѣшились передавать содержаніе ихъ разглагольствованій.

Одинъ снисходительный корреспондентъ пишетъ, что публика благодушно относилась ко всѣмъ промахамъ ораторовъ, простила «туманную втиеватость ихъ рѣчей», простила невѣжественному господину, думающему, что празднуется не 150-лѣтній, а 125-лѣтній юбилей, и т. п.

При такихъ условіяхъ весьма естественно, что юбилей не оставилъ никакого умственного слѣда на слушателяхъ доморощенного ораторства. Корреспонденты рѣшительно недоумѣвали: о чемъ писать? Въ самомъ дѣлѣ, положеніе ихъ было трагическое: писать нечего, а надо, во что бы то ни стало, надо писать. О чемъ же писать?

И вотъ они принялись распространяться о тѣхъ моментахъ юбилея, которые единственно только и оживили участниковъ торжества, съѣхавшихся на него изъ разныхъ мѣстъ. Эти моменты были: ужинъ въ фойѣ театра, «обильный яствами и питіями», по выраженію нововременскаго корреспондента г. Юр. Бѣляева. Кормили актеровъ, какъ характерно и деликатно выразился тотъ же корреспондентъ, «на убой»... И чѣмъ талантливѣе артистъ, а особенно артистка, тѣмъ убойнѣе была ѣда, подававшаяся ей, и тѣмъ роскошнѣе была отведенная ей квартира. Таки, г-жа Савиша удостоилась высшей чести, на какую только можетъ разсчитывать великій талантъ: ее помѣстили въ роскошномъ палаццо купца Сорокина. Купецъ Сорокинъ вызвалъ неподдѣльный восторгъ г. Бѣляева, да и было за что: въ домѣ купца Сорокина зеркальныя окна и такой фронтонъ, ка «кого нѣтъ и у губернаторскаго дома», по словамъ нововременскаго корреспондента.

А раугъ у городского головы Вахрамѣева, по словамъ корреспондента другой газеты, «навсегда» (?) останется въ памяти благодарныхъ гостей; столы для ужина были въ большомъ залѣ, гостиная и столовая были обращены въ закусочныя...

Да, можно сказать, и этотъ купецъ на славу учествовалъ память Волкова и «на убой» накормилъ актеровъ. Надо жалѣть, что пріѣхали на эти обѣды, ужины и закуски все сытые артисты: лучше бы было послать голодающихъ, разныхъ Счастливецевыхъ, которыми кишмя-кишитъ провинція.

Именно говоритъ корреспондентъ, что на ужинѣ не было никакого организованнаго торжества: официанты, помысливъ, что публика не придетъ, не пришли, корреспонденты сидѣли вѣ только обобщившись, подумывая: «Ахъ, хоть бы спорѣи закуски!»

И то вѣдь правда: Жомини, да Жомини, а обѣ водкъ—ни полслова.

Зато, какъ только загремѣли бутылки, рюмки и бокалы, такъ оживилось все, а къ концу ужина,—какъ восторженно говорилъ самый обстоятельный корреспондентъ,—всю эту массу людей охватило необычайное, неподдающееся описанію (!) оживленіе».

Тутъ, неожиданно для всѣхъ, кто-то гаркнулъ: «Внизъ по матушкѣ»,—и пошло! Знаменитый теноръ запѣваетъ, знаменитое сопрано поддерживаетъ, всѣ поютъ, весь столъ заплясалъ, того и гляди, вмѣстѣ съ развеселыми гостями запляшутъ лѣсъ и горы съ знаменитыми фронтонами.

Съ болью на сердцѣ, замѣчаетъ корреспондентъ: «Мѣсто не позволяеть долго останавливать ваше вниманіе на этомъ ужинѣ; скажу одно: нельзя забыть чудное настроеніе, какое охватило всѣхъ кушавшихъ и пившихъ въ эту знаменательную ночь!»

«Знаменательная ночь!» Какое знаменательное это выраженіе: именно ночь, съ ужиномъ и пѣснями только и оставили впечатлѣніе на участниковъ празднества, а дни, съ ихъ трезвыми, но скучными безсодержательными рѣчами, не произвели никакого дѣйствія.

Но верхъ буржуазно-культурныхъ радостей—моментъ, когда одинъ изъ лучшихъ, талантливейшихъ артистовъ драматической труппы, славящійся по всей Россіи, отдался общему разгульному настроенію и пропѣлъ (да, пропѣлъ!) цыганскій романсъ: «Я обожаю»... И при этомъ онъ замѣчательно мѣтко передразнивалъ цыганъ.

Чествованіе памяти Волкова посредствомъ цыганщины и возліянія жертвъ богу вины и обжорства «на убой» окончилось утромъ.

На другой день—завтракъ у новыхъ купцовъ: Востряковыхъ. Это былъ, по словамъ лѣтописца, «волшебный» завтракъ, съ изобиліемъ яствъ, «съ феерическими кулебяками и водопадомъ (!) шампанскаго». Откровенно сознается этотъ наивный корреспондентъ: «Проголодавшись во время прогулки, мы накинудись на заманчиво сервированные столы, и въ какой-нибудь часъ толпа въ двѣсти человѣкъ уничтожила все приготовленное».

Послѣ завтрака, какъ и послѣ вчерашняго ужина у купца Вахрамѣева, наступило трудно передаваемое сживленіе: всѣ чему-то стали радоваться, хохотать, кричать. «Обиліе женщинъ, звонкое веселье молодыхъ артистовъ, проявлявшихъ даже на пародическихъ палубахъ (!) не мало талантовъ (?),—все это создавало,—говоритъ краснорѣчивый корреспондентъ,—трепетное, жизнерадостное настроеніе»...

Потомъ поѣхали за городъ смотрѣть

фабрику одного купца, но гдѣ тутъ смотрѣть? Минутъ пролетѣло время осмотра фабрики, а тамъ наступила болѣе интересная часть дня,—гостей позвалъ купецъ обѣдать: тутъ опять краснорѣчіе и восторгъ корреспондента на тему:

Какой обѣдъ намъ подавали!

Какимъ виномъ насъ угощали!

Во время прогулки приглашенные корреспонденты вѣдь успѣли опять проголодаться, а потому съ восторгомъ отдались обѣду «съ дивными кулебяками на столѣ».

Тутъ они пили, пили, пили, ѣли, ѣли, ѣли и часа полтора спустя, мы, еще болѣе довольные жизнью (sic!), вернулись на палубу пароходовъ и пошли назадъ, въ Ярославль».

Тамъ побывали въ театрѣ на спектакль, послѣ котораго пошли... ужинать. Хорошо поужинали, такъ хорошо, словно и не обѣдали и не завтракали. Засидѣлись опять до утра и на прощаніе стали горячо благодарить хлѣбосольныхъ хозяевъ... за хлѣбъ-соль, а также,—говоря высокимъ слогомъ одного изъ корреспондентовъ,—за эти «знаменательныя торжества», которыя должны войти въ одну изъ блестящихъ страницъ исторіи...

Стоить-ли расточать краснорѣчіе по поводу всего, здѣсь описаннаго? Кажется, дѣло ясное и не требующее комментаріевъ: отпраздновали юбилей на двоѣ: кулебяками, виномъ, веселыми шутками, опять виномъ, опять кулебяками, цыганскими романсами, опять виномъ, а что при этомъ всѣмъ было очень весело, объ этомъ свидѣтельствовали отуманенные взоры опьяненныхъ восторгомъ веселящихся поклонниковъ Волкова, друзей искусства!

Знень.